

Грубый камень, обколотый с четырёх сторон так, что получился неровный, неправильной формы квадрат – это кусок твёрдого песчаника.

Ненужный никому камень, найденный когда-то на редко хоженной лесной тропинке, недалеко от мостков через мелкую неширокую речку, коих великое множество во всей Заволжской стороне, сейчас лежит на краю моего письменного стола в пустующем месяцами деревенском доме.

Кто этому камню придал такую форму – я не знаю. Не похоже, чтобы человек. Вернее всего, сама природа от какого-то большого пласта отломил этот небольшой кусочек спрессованного за тысячелетия песка, на поверхности которого рельефно на все времена запечатлелся след водной ряби. Его оставило древнее море.

Я поглаживаю эти волны ладонью и понимаю, что соприкасаюсь с неведомым миром, навсегда исчезнувшим с нашей планеты. Когда дотрагиваюсь ладонью до округлости мелких окаменевших волн, что-то во мне пробуждается, какая-то древняя-древняя память.

Я будто слышу, как надо мной шумят гигантские деревья, чьи далёкие кроны в вышине раскачивает вольный ветер. Бесконечная, безбрежная зеленоватая водная гладь уходит от берега, и в ней, сквозь голубизну облаков, золотом отражается свет закатного солнца. А у берега тихо нашёптывает что-то мелкая, успокоенно-вечерняя волна, пришедшая к песчаной отмели из-за окрасившегося пурпуром горизонта.

Но не буду дальше фантазировать.

Сейчас этот камень на столе, что изготовил местный умелец лет сто назад (а ведь тоже в другую эпоху, когда столы со стульями были самодельными, не фабричными), прижимает к почерневшим доскам столешницы стопку толстых литературных журналов, дабы ветерок, что врывается в комнату через открытое окно, не растрепал их пожелтевшие страницы. Ведь журнальным книжкам тоже не один десяток лет.

Такое самое примитивное, но и необходимое предназначение определил я этому вестнику из далёкого прошлого.

И всё-таки для меня этот осколок песчаника имеет свою личную, вполне конкретную, не переходящую память. Иначе зачем бы я его хранил, ради чего он бы появился в моём доме?

1

Вернее, если уж быть последовательным и точным в изложении нашей истории, изначально этот дом мне не принадлежал.

В конце восьмидесятых годов прошлого века, предчувствуя надвигающуюся на страну беду, я купил его у прежних хозяев, которые переехали жить в новую благоустроенную квартиру на центральной усадьбе совхоза.

Вид у дома был брошенный, но, несмотря на это, он мне сразу понравился. Да, собственно, и был первым и единственным, который я смотрел с целью приобретения.

Работы впереди по его обживанию предстояло много, но я решился. Подкупали замечательные места, что окружали тихую деревеньку: сонно журчащая крохотная речушка в овражке на краю усадов, вокруг, куда ни кинь взгляд, – леса.

Пятистенок с высокой двухскатной крышей, просторнейшим чердаком, три окна выходили на улицу, четыре, вдоль южной стены, – в заросший муравой проулок. Северная и восточная стены без окон. К северной примыкали сени, клеть, двор со стойлами для коров, овец, свиней. К восточной – дровяник.

В избе в красном углу на двух полках тесно стояли потемневшие иконы старого письма.

Русская печь занимала добрую половину комнаты. Около неё, за ненадёжными досчатыми перегородками с одной стороны сколочены палаты, с другой (тут было пространство женской половины дома) к стене прибиты посудники – полки для посуды с продольными планками.

В просторной светлице в углу ещё несколько икон: Иоанна Крестителя, Владимирской Божией Матери, Неопалимая Купина... Грозно взирал на непрошенных гостей со старинной доски святой епископ Митрофан Воронежский. Лик его строг, без прощения.

Широкие половицы пола не скрипнули под ногой, словно это и не дерево вовсе, а вековые, отполированные до старинной костной желтизны многими подошвами живших здесь когда-то людей каменные плиты.

Мощная матица была основой, держащей потолочные доски, выкрашенные белой краской. Доски крепились с одной стороны на срубе, с другой ложились на матицу – так велико было пространство комнаты.

Крылечко у входа оказалось аккуратным, уютным, гостеприимным.

Центральные окна выходили в небольшой палисадник, за которым через дорогу виделось небольшое поле для выгона скота, далее опять же высился многие годы не тревоженный вырубками смешанный лес.

В начале деревни разлилось большое озеро, образовавшееся за счёт возведённой плотины, что перегородила ту самую речку из оврага. Русло её, подняв на достаточную высоту, пустили по бетонному туннелю под дорогой – пусть дальше бежит по лесным чащобам. Озёрная же гладь стала прибежищем для диких уток, глубина – для всевозможной рыбы, доставляла ни с чем не сравнимую радость купальщикам из ближних деревень в жаркие летние дни.

Одним словом – рай земной, а не место!

Ведь главным образом, почему я хотел купить именно дом в деревне, а не,

например, участок в садовом товариществе, это – свобода.

В товариществах нужно бесконечно подчиняться всяким решениям собраний, инструкциям и правилам, неведомо кем составленным и когда утверждённым, приказам и проверкам.

Хотелось вольной, самостоятельной жизни на своей законной земле, где строй, что хочешь и где хочешь. И никакой сосед тебе не дышит в затылок из соседнего огорода, перекапывая тесную грядку на экономно нарезанных правлением сотках.

Но была и вторая причина, почему мне захотелось занять свою собственность на земле: у меня подрастали две дочурки и мечталось, чтобы они в летние месяцы как можно больше времени проводили на свежем воздухе, пили парное коровье молоко, лакомились ягодами, бегали босиком по траве, ходили в лес за грибами (тут, конечно, со мной или мамой), купались, слушали пение птиц и любовались звёздным небом...

Да разве мало о чём мне тогда мечталось!

2

Конечно же, я намечтал себе, как буду купленный дом переделывать. И потому следующей весной с азартом принялся за дело. Но слишком быстро понял, что задуманное мне одному не по плечу.

Первые сложности начались, когда я попытался поправить фундамент дома. Большая русская печь, что была сложена прямо на полу дома, без всяких подпорок в подполе, была такой тяжести, что в одном из углов сруб несколько просел. Ни один домкрат не смог поднять сруб на достаточную для работы высоту. Тогда только пришлось решение разобрать русскую печь и на её месте сложить другую, поменьше, с подтопком.

Ломать печь пришлось довольно долго и трудно. Всё дело было в неумении. За что ни возьмись – всё несподручно. Но тут всё-таки, ладно, справился, хотя, как потом выяснилось, кирпичи из сырой глины я зря выбросил в яму, которую после засыпал привезённым песком.

Настало время поднимать угол.

Приглашённые из совхоза плотники с неимоверной лёгкостью меня заверили, что им это раз плюнуть: сейчас необходимо выставить водки, дать закусить, а уж завтра они придут, займутся работой и тогда...

С водкой специалисты скоро и доблестно расправились, после каждого стакашка закусывая её слегка отломанным ломтиком хлеба, но ни на следующий день, ни через неделю... и вообще никогда я их больше не видел. Стало понятно, что с подъёмом угла сруба придётся справляться своими силами.

Вообще, только начав появляться в деревне, я по-настоящему понял, что местный люд довольно склочен, даже по пустякам, и вороват, потому старался обращаться к ним «на деловые темы» как можно реже. Понимаю, что это несколько не соответствует «почвенническому» взгляду на крестьянский образ жизни, но я, делая такие оценки, исхожу из собственного опыта.

Конечно, мерить всех под одну гребёнку нельзя. Позже я расскажу о совершенно иных людях, с которыми меня свела деревенская жизнь. Приведу совершенно иной пример отношения к нашей семье крестьян, коренных деревенских жителей, но пока дело обстояло именно так.

В течение лета с одним добрым человеком угол мы всё-таки подняли.

Оставшийся единственным на всю округу печник, старик хоть и крепкий, но почтенного возраста, с трудом согласился на предлагаемую работу. Печь он клал с помощником, который и привозил его на «Москвиче» из дальней деревни. Когда работа подошла к концу, помощник мне предложил:

– Лезь на крышу к трубе.

– Зачем?

– Поленья ловить будешь.

На крышу я, конечно, не полез, но печь получилась на славу, с отменной тягой.

После этого настала очередь заняться двором.

Тут пришлось за ненадобностью разобрать все внутренние постройки, которые оказались срубленными из брёвен и накрыты (как я понимаю, для тепла скотине) потолочинами – распиленными напополам стволами, пазы между которых утеплены мхом и замазаны глиной. Свободное место между потолочинами и крышей двора служило сеновалом. Остатки пыльной высушенной травы слежавшимися пластами там ещё хранились.

Когда разобранные брёвна, потолочины, доски были вынесены на улицу, я удивился простору образовавшегося пространства.

Во дворе я нашёл много предметов прежнего крестьянского быта: колёса от телег, столярные инструменты, которыми сейчас уж давно никто не пользуется, серпы и косы, самодельные деревянные рамы для фотографий, ящички и шкатулочки, запасные наличники для окон, поделки, вырезанные из коровьего рога, металлические весы, что крепились к потолку, старинные кованые гвозди... Предметы прежнего быта большой семьи основной частью пришлось выбросить, но кое-что я всё-таки оставил как некие этнографические экспонаты.

Следующего благоустройства требовал чердак.

Для начала его было необходимо очистить, выбросить немыслимое количество старой обуви от самых маленьких детских размеров до взрослых сапог и ботинок.

В деревенском хозяйстве всё приберегалось «на всякий случай»: ненужные бутылки, стеклянные банки, изломанные раскладушки, измятые детские игрушки... Всего не перечислить.

Но отыскивались на чердаке и интереснейшие вещи: старинные донца для прялок, украшенные городецкой росписью, керосиновые лампы с запасом стёкол, разобранный деревянный ткацкий стан, выточенные из ствола бочонки с набором разных деревянных веретён, стеклянные бутылки больших размеров: раньше я подобные видел только в художественных фильмах о прежней крестьянской жизни.

Особая находка: бережно завернутые в старый полушубок латунные подсвечник и лампада – явно принадлежащие к церковной утвари. (Позже случайно узнал, что живший в доме дед являлся церковным старостой.)

Удивило, что на всех углах сруба лежали отслужившие свой век иконные доски. Разобрать, что на них было написано, оказалось невозможным. Красочный слой облупился, осыпался. Догадался, что не просто так они лежат, и потому не тронул. Явно традиция, пришедшая из не близких времён, как оберег от всего дурного, бедственного.

Перестройка чердака совпала с ремонтом городской квартиры, в которой деревянный пол менялся на паркет. Вся половая доска была вывезена в деревенский дом, где мои сотрудники с работы за несколько дней всё настелили.

Досок из трёх комнат хватило тютелька в тютельку, чтобы покрыть пространство чердака до такого предела, где бы далее можно было установить стены, упирающиеся в скат крыши.

Потолок и скаты до стен обили светлой сосновой фальцованной доской. И получилась горница из двух комнат. Или что-то вроде моего рабочего литературного пространства с библиотекой (стеллажи сколотили вдоль всех стен) и письменным столом.

Большие окна с двух сторон, занимавшие значительную часть торцовых стен, вольно пропускали дневной свет.

Последним был разрушен дровяник – сарайчик, в котором хранились колотые дрова. Но об этом речь впереди.

3

Шло время, и, худо-бедно, но поставленные самим перед собой задачи по обустройству деревенского жилища я решал. Да и дочурки стали подрастать, начали, как и мечталось, подолгу жить за городом на свежем воздухе. У них в деревне появились свои друзья. И в первую очередь, местный пёс Буян – любимец всей деревни кобель гончей породы.

Вся территория деревни была для него родным домом. Попав сюда ещё щенком, Буян всех проживающих на нашем порядке, нашей единственной небольшой улице, считал своими. Рыжий сухопарый пёс с отвислыми ушами был добр, доверчив и ласков. Дети могли с ним делать всё, что заблагорассудится, – без опаски. Когда игры заходили уж очень далеко, Буян слегка начинал рычать, осторожно обнажал клыки, поднимался с земли и не спеша убегал.

В это время в его трусце не чувствовалось обиды. Лучше сказать: отработав положенное время, он удалялся на отдых.

У каждого дома стояла площадка, куда хозяева клали кости, прочую еду для пса.

Буян днём неторопливо оббегал все дворы. Если видел, что ему что-то оставили, подходил к площадке, деловито осматривал и обнюхивал содержимое. Первым делом, лакая, поглощал жидкость. Затем осторожно брал в пасть край площадки, аккуратно вываливал оставшееся содержимое на землю и уже отдельно это съедал.

Если подбегала маленькая чёрненькая, мохнатая и в отличии от Буяна злая и лающая собачонка Жучка (у неё был свой хозяин, и жила она только на его участке за штакетником), кобель по-джентельменски отходил в сторону, позволяя, в первую очередь, насытиться своей подруге.

Вообще наблюдать за дружбой кобеля и маленькой сучки было очень интересно. Но сейчас я не об этом. Так вот, каково же было моё удивление, когда узнал, что Буяна боится вся округа как злого и коварно кусачего пса.

– Невозможно спокойно пройти мимо вашей деревни, – как-то сказала моей жене случайная попутчица. – Уж вроде бы далеко по дороге её обхожу. Так нет – подкараулит, выскочит, облает. Того и гляди – в ноги вцепится.

Трудно было в эти слова поверить, но ведь и неправду говорить жительнице соседней деревни не было никакого резона.

Вот такой сложный характер был у этого Буяна.

Любимым его занятием оказалось бегать по окрестным лесам. Уйдём в поисках грибов уж, кажется, в самую даль. Режем неторопливо чёрные грузди или лисички – когда на какой год что вырастет. Вдруг шорох, мелькание рыжей спины меж кустов и деревьев. И вот – выскакивает: нате, пожалуйста.

Почти не было такого случая, чтобы не встретить Буяна в разных уголках наших окрестных лесов. Охотничий пёс тосковал без главного своего занятия, ради которого он и был явлен на эту землю.

Была у гончей и ещё одна особенность: всякого жителя нашей деревни провожал за два с лишним километра до автобусной остановки, что на автомобильной трассе. Дойдя, пёс ложился в сторонке на травку и ждал, пока «хозяева» не усядутся в подошедший автобус и не уедут. Только тогда трусцой, по полям и перелескам, мимо озера возвращался в деревню.

Один раз и вовсе произошёл примечательный случай. Мы с женой были тому непосредственные свидетели.

Возвращаясь в город, мы раньше срока пришли на остановку. До автобуса было ещё слишком долго. Поразмышляв, решили какое-то расстояние пройти пешком, прогуляться.

Машин в это время по дороге едет немного, идти по асфальту, изредка сворачивая на обочину, не трудно. Вокруг лес, из которого тянет свежестью недавно прошедших дождей. Могучие ели всыются исполинными зелёными пирамидами, увешанными на вершинах коричневыми шишками-сосульками. У дороги буйно желтеет цветамизонтиками пижма. По опушке розовеет остроконечными цветами-горками иван-чай. А между пижмой и иван-чаем россыпь островков бело-жёлтых ромашек, редкие голубые колокольчики шевелит лёгкий ветерок, кусты цикория усыпаны синими цветами, лепестки которых столь нежны, что скопившиеся на них капли влаги, как увеличительное стекло, помогают разглядеть каждую прожилку цветка.

Одним словом – будто на экскурсии – иди и любуйся буйством открывшейся тебе лесной жизни.

Если честно, я давно мечтал это сделать – пройти около пятнадцати километров до станции пешком. А тут день выдался хмурый, не жаркий, грех было не воспользоваться выпавшим случаем.

Буян последовал за нами. Мы были уверены, что он скоро отстанет, но нет, пёс оббегал придорожные кусты, углублялся в лес, на какое-то время исчезал вовсе, но вдруг выскакивал из придорожной канавы прямо нам под ноги, весело виляя хвостом.

На нашем пути встречались чужие деревни. Их дома стояли в несколько десятков метров от дороги. Увидев незнакомого пса, местные собаки поднимали жуткий лай, и тогда Буян шёл рядом с нами у самых ног, чуть не прижимаясь к ним, как бы показывая недогадливым недоброжелателям: я не сам по себе, я с хозяевами, а они меня в обиду не дадут.

Но стоило миновать опасный участок, наш сопровождающий снова исчезал в лесу.

Всё это длилось около трёх часов. Нас давно обогнал тот самый автобус, прихода которого мы не дождались на остановке. Пришло время выйти к большому шоссе, соединяющему Нижний Новгород с Кировым. Но и здесь верный пёс нас не покинул. Вместе мы прошли по обочине до развилки, ведущей к станционному посёлку.

Пройдя по новой дороге с полкилометра, Буян, наконец, остановился на вершине пригорка и оттуда долго смотрел нам вслед до тех пор, пока мы не повернули к железнодорожному вокзалу. Метров за двести на повороте дороги я последний раз оглянулся, помахал псу рукой, как бы показывая, – возвращайся обратно. И он, словно поняв мой жест, развернулся и отправился назад, скрылся от моих глаз.

Столько же в этом прощании пса с нами было невыразимо-человеческого, понятливого, равнодушного, что в памяти моей этот случай запечатлелся особым чувством.

Да, необычная была собака. Не всякий человек в своих поступках так разумен и сострадателен.

Но вернусь к своим строительным работам и к камню.

Пришло время разрушить и дровяник, чтобы на его месте поставить довольно просторную веранду.

Привёз я из города двух рабочих, которые неспешно взялись за дело.

Что и говорить, мне надлежало, насколько это позволяло моё свободное от основной работы время, приглядывать за плотниками, помогать. Супруга в это время с детьми жила в деревне, и на её плечи легли основные хлопоты: всех нужно было накормить, рабочих устроить на жильё, подсказать им, где что необходимое для сооружения веранды взять.

Старшей дочке тогда уже исполнилось семь лет. Младшая ещё кроха – три годика.

И надо же такому случиться, что именно в это время у меня разболелись суставы на ноге. Ходил, сильно хромая. Нароботавшись же за день, и вовсе света белого не видел от боли в опухшей щиколотке. А жена просит – нужно сходить в совхоз за двумя трёхлитровыми банками молока для детей.

Идти нужно было через всю деревню, за дорогой пересечь поле, пройти по тропинке между посадками сосны и лесом. Только после этого войти в посёлок и, пройдя его наполовину, около медицинского пункта свернуть направо и подняться по склону до нужного проулка, где и стоял дом нашей молочницы. В общем, путь не близкий и утомительный даже со здоровыми ногами, а тут с больной. Да к тому же с двумя банками его предстояло проделать в обратном направлении.

Но что делать. Спрашиваю: кто пойдёт со мной? Хотя бы от того, что кто-то сочувствующий идёт рядом, и то было бы на душе легче.

Танечка, я это уловил в её голосе, понимая, что мне тяжело, откликнулась согласием.

– Давай я.

И пошла.

Дни стояли ненастные. Хмурое закатное солнце с трудом пробивалось сквозь густую пелену тяжёлых серых облаков. Дождя не ожидалось, но в природе, измученной проливными ливнями, ощущалось утомление, усталость.

Таня села на велосипед, я взял сумку с пустыми банками для обмена, и мы отправились в путь.

Тут нужно бы несколько слов сказать о том человеке, к которому мы направлялись.

Жила в совхозе добрая пожилая женщина: маленькая, сухонькая, торопливо-проворная в делах. Вот она-то одна из немногих (и это в совхозе, практически в деревне), несмотря на свой возраст, держала корову.

– Как не держать, – отвечала она на вопрос, мол, не тяжелое ли это дело в таком возрасте, вон, все соседи давно эти хлопоты бросили, покупают магазинное молоко: проще, дешевле? – Раньше сена посушить негде было. Дадут покос в глухом лесу за дальние километры. Так ту поляну ещё очистить надо от пней, валежин, кустарника, обиходить. Все ближние луга и выпасы использовал колхоз для своего стада. А мы пока после работы туда сбегает, там наломаемся, в ночь обратно вернёмся (ведь утром опять на работу в коровник или на поле), так умаешься из последних сил. А сено-то нужно накосить, высушить, сметать в стожки, привезти – сколько сил и хлопот... Сейчас травы, сколько хочешь, а скотину держать перестали. Как же так?

Нет, пока силы есть, буду корову обихаживать. Как без неё?

К нам старушка относилась уже почти по-родственному. Оставляла ключ от дома в условленном месте. Мы заходили, брали, сколько было нужно трёхлитровых банок молока из холодильника, оставляли пустую тару и уходили.

– Деньги, – наставляла нас хозяйка не без горечи в голосе, – не оставляйте. Придѣте, когда я буду дома, тогда и отдадите. Иначе сын их отыщет и пропьѣт.

До совхоза мы с Таней добрались: я доковылял, она доехала на велосипеде, то уезжая от меня далеко вперед, то возвращаясь. Бросив велосипед у тропинки, успевала нарвать небольшой букетик цветов, прежде чем я доходил до неё, вручала его мне, а сама вновь уносилась вперед.

Пошла она в дом, всё с хозяйкой решила, рассчиталась. За молоком пришлось зайти мне самому. До этого на крыльчке сидел, ноющие свои суставы успокаивал, которые от пройденного пути словно выкручивало.

Отправились в обратный путь.

Дошли до речки. В том месте, где мы её по мостку переходили, там с одной стороны образовался небольшой песочный плёсик, а с другой разрослась осока: сильная, зелёная, сочная, жѣсткие листья как острые клинки, устремлённые вверх – дотронься, и непременно порежешься.

Вода в речке лесная, торфяная, тѣмная до черноты, но в то же время прозрачная, слегка журчащая у бережка: убаюкивающая, словно шепчущая ночную сказку.

Солнце уже опустилось за вершины сосен и берѣз, что подступили к самой воде. Сумрак опустился на землю. Надо бы поспешить к дому, но боль в суставах сделалась невыносимой.

– Давай, Танечка, немного отдохнѣм, посидим тут на берегу.

Присели мы на осыпающийся бугорок у берѣзы. Со стороны воды он, видно, был подмыт весенним разливом. Там недалеко и лежал этот камень. У самой тропинки.

Я давно его приметил, да мимо проходил, некогда было взять в руки, рассмотреть: то банки с молоком несу, то так, по лености или невнимательности проходил мимо, не останавливался. Иными словами – не брал, но о нём помнил. Сейчас же он оказался прямо у ног.

Поднял я его, отѣр ладонью от налипшего песка, стал дочурке рассказывать, почему его поверхность такая неровная. Признался, что всё собираюсь забрать его с собой, да никак не получается.

Посидели, отдохнули.

Послушали шорох листвы, тревожимой вечерним, порывистым ветром. Проследили взглядом пролѣт к своему ночному дереву запоздавшее птицы, на вершине которого она должна была встретить завтрашний рассвет. Свистя крыльями, пронеслись вдоль речки дикие утки, спеша на вечернюю тягу.

Какая-то жизнь в лесу замирала, какая-то только пробуждалась.

Холодной влагой потянуло от земли. Показались на небе, сквозь ненадёжные просветы облаков, первые робкие звѣзды.

Мы встали.

Камень я положил на прежнее место. Про себя подумал: до следующего раза.

– Пап, давай возьмѣм его домой.

– Тяжело, руки и без того заняты.

– Молоко и я могу понести, а ты возьми камушек.

– Что ты, не по силам тебе.

– Тогда камушек возьму.

Я, было, принялся Таню отговаривать, да вдруг понял: ведь это она для меня хочет этот камень домой принести. Это она меня пожалела, потому что видит, как мучает меня боль, как мне тяжело. И её доброе сострадательное сердечко откликнулось на эту боль, душевную тяжесть. Дочери захотелось хоть что-то принять на себя, разделить со мной мои муки.

Так мне стало тепло на сердце от этого преданного сочувствия, что я согласился. Но пока шли, я всё осторожно поглядывал – каково ей, и велосипед катить, и камушек удерживать.

И ещё вспоминал многое. Как непросто было её рождение. Как я переживал и впервые в жизни понял, что, не задумываясь, отдал бы свою жизнь, лишь бы с моей дочерью было всё хорошо. Не в каком-то эмоциональном порыве, а холодно и расчётливо, как сделку с судьбой.

Вспомнил её маленькую, смиренную, одну в чужой больнице. Она выходит ко мне в коридор в тёплом длинном халатике в зелёные цветочки, в тёплых колготках, принимает от меня сладости и садится рядом; но мне, как всегда, некогда. Прощаясь, она тоненькими ручками обнимает мою шею и шепчет просьбу, чтобы я забрал её отсюда. Но я не могу этого сделать, и она обречённо, одиноко удаляется от меня всё по тому же чужому больничному коридору в палату, где нет ни одной близкой ей души.

Как в период гремучей тоски, что поселилась однажды в моём сердце, я лежал одетым на кровати. Дочь подошла ко мне, легла рядом, и вдруг в какой-то момент заплакала.

Я испуганно повернулся к ней, спросил:

– Почему ты плачешь?

– А ты почему? – Был мне ответ.

Её сердечко чувствовало мою боль, переживало вместе со мной.

Хотя характер был у дочери не простой: то непокорный, то готовый к полному послушанию.

Ей словно с младенчества был открыт трагизм земной человеческой жизни. В глубине её глаз, в которые я засматривался, когда она лежала в кроватке запеленованной куклой, с прижатыми к телу ручками, угадывалась недетская глубина понимания всего происходящего вокруг. И как дочь поразила меня, когда впервые ответила на мой взгляд осознанной узнавающей улыбкой. Слово из бездонной глубины своих глаз попыталась передать нечто, что для самого меня было безвозвратно утеряно.

А много ли я чувствовал, понимал, когда сердился на дочь, а она отвечала:

– Ты напрасно меня ругаешь.

Один раз хотел проучить её за непослушание. Тогда на острове посередине Оки существовал пляж. Теперь он сплошь зарос деревьями, а во времена раннего детства моих детей место это, сплошь покрытое речным песком, было оборудовано для отдыхающих.

Маленькая Татьяна непослушно всё норовила убежать от нас к воде. Я её останавливал, а потом решил – пусть попробует узнать, что это такое – быть самостоятельной. И когда дочка в очередной раз отправилась погулять без нас, ничего ей не говоря, последовал за ней метрах в двадцати – так, чтобы быть незаметным в толпе купающихся и загорающих.

Моя Танечка наслаждалась свободой: шла не торопясь вдоль берега, заходила в воду, и её никто не останавливал, подбирала на песке высохшие ракушки, подпрыгивала и... нет-нет, да озиралась по сторонам.

Я не вытерпел и подошёл к дочери. Как же она мне обрадовалась! Бросилась мне на шею, обняла ручонками.

– Что, заблудилась?.. – Нравоучительно спросил я.

В ответ она упрямо промолчала.

Много позже, повзрослев, дочь мне как-то призналась, вспомнив тот случай:

– Знаешь, как страшно было!

И во мне всё вскипело жалостью к уже взрослой девушке, которой в детстве я причинил такую боль, необдуманно заставив испытать страх.

Всё-всё разом вспомнилось – и хорошее, и плохое, обличающее меня в отношениях с дочерьми.

Не понять сейчас – горько мне было всё это вспоминать, или как-то иначе откликнулась душа на них. Каким-то особым томлением, нежностью, пониманием вечной слитости наших жизней в каком-то совершенно ином, неземном измерении.

Назвать пережитое только любовью отца к дочери – очень не точно. Всё испытанное казалось мне глубже, основательнее, значимее для моей судьбы, для всей моей бесконечной жизни.

Но тем камушком, той самопожертвованностью дочь мне преподнесла совершенно иной урок.

Помню только, что неповторимая теплота опустилась в моё сердце откуда-то свыше, заполнила его, чтобы уже не уйти никогда. И вот прошло столько лет, а это чувство живёт во мне неизменно. И нет в моём сердце более важного чувства, чем это. Оттого и живёт оно во мне все эти годы – без срока. Живёт и будет жить до конца дней, пока память не покинет меня.

При выходе из леса в поле откуда ни возьмись выбежал к нам Буян. Хвостом вертит, к ноге прижимается – обрадован поздней неожиданной встречей.

Втроём да с камушком нам и вовсе веселее идти стало, хотя темнота по-ночному заволокла землю. Только огни двух крайних домов нашей деревеньки призывно светились тёплыми огоньками.

Как пришли домой, моя Таня положила принесённый камушек в сени, и за многие годы о нём так больше ни разу и не вспомнила. Не для себя она его несла, не ей он был нужен – мне.

Для меня была эта жертва, вот я её и приберёг.

Теперь камень большее время стоит на стеллаже, придерживает книги.

Когда хулиганистый ветерок, врываясь сквозь открытое окно, мешает мне спокойно работать за письменным столом, я прижимаю камешком страницы рукописи, развороты книг или вот как сейчас стопку журналов.

Иногда мой взгляд отрывается от листа бумаги. Я смотрю в небольшое оконце на зелёную траву проулка, перевожу взгляд на камень и понимаю, что много лет назад мои дочери любили меня легко и просто. Только мало я тогда об этом думал и почти не замечал.

Дописав поздно вечером этот рассказ, я встал из-за стола, огляделся вокруг, словно вернулся в родной дом из дальнего путешествия.

На улице темно. Закрывая створки окна, немного подождал, послушал, как шуршат капли ночного дождя о листья разросшихся кустов сирени.

Всё в этой комнате напоминает мне о моих дочерях, которые давно не хотят

бывать здесь. У них свои жизни, свои хлопоты и заботы. Мне остались лишь их ранние детские рисунки на стене, игрушки на полках да воспоминания.

Пройдя через первую комнату и сени, я поднялся в верхние помещения.

На стеллажах с книгами стоят необычные поделки, сотворённые руками моих девочек: из необожжённой глины коричневая, смешная, с задранном хвостиком собачонка (уж не наш ли Буян послужил моделью для этой «скульптуры»); из глины же, только на дощечках и разукрашенные акварельными красками какие-то мордашки; из щепки кораблик с мачтой, с перилами по краям из вбитых гвоздиков, стянутых разноцветной «телефонной» проволокой. Всё согрето их руками, всё несёт свою память.

Почему детям так часто хочется отгородиться от мира взрослых?

Как-то я заметил, это было ещё до нашего с Таней похода за молоком, что дочка побежала к небольшому островку с деревьями, что у самого края дороги. Беспокоясь, не случилось бы чего, я проследовал за ней, и как же был удивлён, увидев там оборудованный ею домик с игрушечным столиком, принесённым из дома и застеленным чистой льняной салфеткой, детской посудкой, посаженными на стульчиках куклами, перед которыми на тарелочках лежали печенюшки.

Таня испуганно вскинула на меня глаза. Я успокоил дочурку: «Играй здесь, только осторожно, не выбегай на дорогу». Она, соглашаясь, кивнула головой. Я ушёл, но, как мне кажется, свой домик дочка вслед за мной покинула навсегда – секрет-то был раскрыт, тайна перестала быть тайной, её особый мир перестал принадлежать только ей.

Отыскал на стеллаже альбомы с детскими рисунками моих дочерей.

Какая это радость, что они сохранились.

Я сидел один в большом доме, наполненном лишь тенями прошлого, листал альбом с детскими рисунками, и сердце моё рыдало от тоски по навсегда ушедшему, невозвратному. От неизбежной, нераскрытой и не истраченной отцовской любви.

Но необходимо рассказать и о судьбах других героев этого повествования.

Добрая наша молочница в скором времени всё-таки отказалась держать корову. Стало не по силам. А спустя некоторое время и вовсе отошла в мир иной.

Пёс Буян не смог пережить одну из голодных одиноких зим в оставленной, занесённой снегами деревне. Сколько кобеля ни пытались увезти на зиму в город, он так ни разу и не дался. Уж и в салон машины с трудом и обманом заманивали, обхватив за бока, заносили. Пёс скулил, оскаливал клыки, от испуга шерсть клочьями слетала с его боков, и всё-таки он вырывался наружу.

Другой жизни, как тут, среди знакомых ему мест ещё со щенячьего появления на свет (пусть голодной, в снегах), он не хотел. Видимо, вольным, пусть даже и голодным, умирать легче, чем сытым, но запертым в четырёх стенах чужой квартиры, куда не долетает запах морозного заснеженного леса.

Жалко пса.

И себя жалко того, молодого, многого не осознающего.

Вот о чём напомнил мне кусок песчаника, отколотый когда-то неведомой силой от большой древней плиты, оставшейся на дне исчезнувшего навсегда моря.